УДК 947.04

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ В РОССИИ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.

Скрипкина Е.В.

Филиал ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского», Омск, e-mail: evs705@rambler.ru

Одним из аспектов церковно-государственных отношений третьей четверти XVII в. является церемониальная практика, существовавшая во время царствования Алексея Михайловича. Посредством церемоний, или церемониальных шествий, государь представал перед своими подданными в полном блеске и величии. Обязанность государя – защищать свой народ и служить нравственным примером для своих подданных. Поскольку власть и церемонии были неотделимы друг от друга, во время церемоний, в том числе, шлифовался образ идеального правителя. Одним из примеров ординарных церемоний, совершаемых царем Алексеем Михайловичем, был царский выход в день Богоявления, отправляемый с особым торжеством и пышностью, во время которого тема сакральности и величия царской власти утверждалась с наибольше полнотой. Особой церемонией был обряд «шествия на осляти», совершаемом в Вербное воскресенье и символизировавшим вход Господень в Иерусалим. Церемонии подчеркивали сакральный статус и христианские добродетели русского государя и воплощали в себе образ власти. Царь, призванный служить примером, воспринимался как образец для подражания. И церемонии, призванные демонстрировать гармонию светской и церковной властей, в зависимости от конкретной политической ситуации меняли соотношение царя и патриарха.

Ключевые слова: царь Алексей Михайлович, церемониальные шествия, презентация царской власти

PRESENTATION OF IMPERIAL AUTHORITY IN CEREMONIAL PRACTICE IN RUSSIA IN THIRD QUARTER XVII B.

Skripkina E.V.

Omsk Branch Moscow K.G. Razumovsky State University of Technology and Management, Omsk, e-mail: evs705@rambler.ru

One aspect of church-state relations in the third quarter of XVII century was the ceremonial practice that existed during the reign of Alexei Mikhailovich. Through ceremonies, or ceremonial processions, tsar appeared before his subjects in full splendor and majesty. Sovereign duty is to protect his people and serve as a moral example to his subjects. As the power and ceremonies were inseparable, during the ceremonies the image of the ideal ruler was polished. One example of ordinary ceremonies committed by Tsar Alexei Mikhailovich, was a royal exit on Epiphany, delivered with a special celebration and pomp, during which the topic of sacredness and grandeur of imperial authority affirmed most fully. A special ceremony was the rite «procession on an ass» perpetrated on Palm Sunday and symbolizing entrance into Jerusalem. Ceremonies emphasized sacred status and Christian virtues of Russian sovereign and embodied the image of power. Tsar was to serve as an example and was seen as a role model. And the ceremony, designed to demonstrate the harmony of secular and ecclesiastical authorities, changed ratio of the king and the patriarch depending on the political situation.

Keywords: Tsar Alexei Mikhailovich, ceremonial processions, presentation of royal power

Одним из аспектов церковно-государственных отношений третьей четверти XVII в. является церемониальная практика, существовавшая во время правления Алексея Михайловича. Посредством церемоний, или церемониальных шествий, государь представал перед своими подданными в полном блеске и величии. По определению Д. Фрэзера, царь является точкой опоры, поддерживающей равновесие мира [10, с. 165]. В общественном сознании государь воспринимался как наместник Бога на земле, как носитель полноты и величия власти. Обязанность государя – защищать свой народ и служить нравственным примером для своих подданных. Поскольку власть и церемонии были неотделимы друг от друга, во время церемоний, в том числе, шлифовался образ идеального правителя.

И.Е. Забелин отмечал пышность облачений государя во время церемоний. «Во время больших праздников и торжеств государь надевал царский наряд, к которому принадлежали: царское платно, собственно порфира, с широкими рукавами царский становой кафтан, царская шапка или корона, диадима или бармы, наперстный крест и перевязь, возлагаемые на грудь; вместо посоха – царский серебряный жезл. Все это блистало золотом, серебром и другими каменьями. Самые башмаки, которые надевал государь в это время, были также богато вынизаны жемчугом и украшены каменьями. Свита, окружавшая государя, была также одета более или менее богато, смотря по значению празднества и соответственно одежде государя. Для этого из дворца отдавался приказ, в каком именно платье быть на выходе. Если же боярин был недостаточен и не имел богатой одежды, то на время выхода такую одежду выдавали из царской казны» [4, с. 394–395].

Следуя классификации, предложенной И.А. Андреевым, одним из примеров ординарных церемоний, совершаемых царем Алексеем Михайловичем, был царский выход в день Богоявления, во время которого тема сакральности и величия царской власти утверждалась с наибольше полнотой.

Во время крестного хода на Иордань 6 января в праздник Богоявления государь являлся народу в полном блеске своего сана. Сам ход отличался особым великолепием и многолюдством. Шествие открывали стрельцы. За ними двигалось расставленное по степеням духовенство. Еще величавее выглядело шествие высшего духовенства, возглавляемое самим патриархом. Следом шел царь с придворными. Впереди шли дьяки разных приказов и все те чиновники, которые были в бархатных кафтанах; за ним дворяне, стряпчие, стольники – в золотах, т.е. в золотых кафтанах; далее ближние люди, думные дьяки и окольничие в богатых шубах.

Государь шествовал в большом царском наряде. Сверх зипуна и богатейшего станового кафтана, на нем было царское платно, из дорогой золотой материи, с жемчужным кружевом, усыпанным драгоценными каменьями. Государь выходил в собор, обыкновенно в сопровождении бояр и прочих сановников, по Красному Крыльцу. При появлении царя народ бил челом. Царский венец, называвшийся по соболиной опушке, царскою шапкой, блестел драгоценными каменьями: алмазами, изумрудами, яхонтами. Плечи государя покрывала богатая диадима, именуемая обыкновенно в чине царского венчания бармами; на груди на золотой цепи был крест Животворящего Древа, а иногда золотой крест со Спасовою Ризою. В правой руке государя был жезл, богато украшенный золотом и каменьями. Наконец, бархатные или сафьянные башмаки государя были также богато унизаны жемчугом. Под руки государя поддерживали обыкновенно двое стольников.

Процессия двигалась на Москву-реку, на льду которой устанавливалась специальная «сень» – искусно сделанная беседка с крестом. Здесь же была прорубь – Иордань. Подле Иордани стояли особые места для царя и патриарха. Сени и места обносились решеткой, а все пространство покрывалось красным сукном. Красный цвет – цвет ритуального, принадлежащего государю пространства. Появление красного цвета свидетельствовало о включении данного места в церемонию.

Когда процессия приходила на Иордань, государь с патриархом вступали на свои места, – по сторонам Иордани становилось духовенство, а подле царского места бояре и прочие высшие чины. Первосвятитель осенял крестом царя и его окружение, раздавая всем свечи, кадил и совершал водоосвящение по чину.

По его окончании патриарх «здравствовал» царя, давал ему целовать крест и кропил святой водой. Затем к кресту прикладывались и окроплялись все остальные участники церемонии. Одновременно два архимандрита отправлялись кропить святой водой всех православных – войска и народ. Вода, освященная в день Богоявления, ценилась особо. Считалось, что в этот день благодать Святого Духа, нисходит на нее несколько раз [4, с. 412–416; 1, с. 260–261].

Другой церемонией, призванной подчеркнуть православный характер Московского царства, было «действо православия». Она устраивалась на первой неделе Великого поста, в воскресенье. Церемония пришла из Византии и была связана с окончательной победой над иконоборцами. На русской почве «действо православия» символизировало торжество церковных установлений и норм в жизни всей православной Руси.

Церемония происходила на площади перед Успенским собором, для чего заранее устраивался помост с местами для патриарха и царя, и открывалась крестным ходом из дворца. Из царских покоев и Верховых соборов выносили особо почитаемые иконы. Государь выходил сразу в «большом» наряде. Патриарх встречал царя напротив Грановитой палаты. После молебна процессия направлялась к помосту. Под пение канона размещали иконы, затем следовало поучение о чести святых икон – прямое напоминание о корнях праздника. Во время возглашения анафемы иконоборцам царь прикладывался к иконам. Следом за ним образа целовали патриарх, власти, светские чины.

Особое место в церемонии занимало «возглашение» синодика. Пение вечной памяти сменялось провозглашением анафемы еретикам.

Для участников происходившее было наполнено сокровенным смыслом. Среди тех, кому возглашалась вечная память, были и государи, и все погибшие за веру. В этом перечне имен словно воспроизводилась сама история Московской Руси. То был рассказ не только о торжестве православия, но и Православного Царства [1, с. 261–262].

Существовали некоторые церковные и дворцовые церемонии, в которых с наибольшей полнотой нашли свое выражение создаваемые властью символы и образы. Это в первую очередь образы благочестивых и смиренных государей, верных сынов церкви, и могущественных, справедливых

правителей, вознесенных божественным промыслом на недосягаемую для подданных высоту. Репрезентация этих образов естественно потребовала создания тщательно разработанного церемониала, в котором каждая деталь несла определенный смысл. Мелочей не было. Уже само облачение царя и частота смены праздничного платья свидетельствовали о ранге события. На целый ряд церемоний государь с самого начала являлся во всем великолепии и блеске царского облачения – в наряде Большой казны. Это и было, собственно, лицезрение Царя Земного [1, с. 259–260].

Особой церемонией был обряд «шествия на осляти», совершаемом в Вербное воскресенье и символизировавшим вход Господень в Иерусалим.

Как показал Б.А. Успенский, обряд «шествия на осляти» в Вербное воскресенье пришел в Москву из Новгорода. При патриархе Никоне традиционный порядок «шествия на осляти» был изменен. По предположению историка никоновские нововведения были вызваны стремлением приблизить русские обряды к греческим, при этом здесь речь идет об уподоблении обрядам иерусалимской церкви. Кроме того, здесь может актуализироваться ассоциация Кремля с Иерусалимом [9, с. 440–448; 7, с. 169, 173–175].

«Вход Господень в Иерусалим» отмечался с особой пышностью. Процессия двигалась через Спасские ворота к Покровскому собору, где царь и патриарх удалялись в придел Входа в Иерусалим. Здесь государь облачался в царский наряд и менял посох на златокованый жезл. В это время на Лобном месте ставили аналой, покрытый зеленою пеленою. На него водружали Евангелие, иконы Иоанна Предтечи, Николая Чудотворца, иногда Казанской Богородицы. У Лобного места ставили «осля» (лошадь под белым сукном). Тут же находилась кадушка с вербою. Верба богато украшалась. По ходу шествия выстраивались ратные люди, которые должны были склоняться перед патриархом и государем.

Выход патриарха из Покровского собора к Лобному месту отличался большим великолепием. Государь поднимался на помост, крестился, целовал Евангелие и «смирял» себя, т.е. снимал корону и отдавал скипетр. После благословения из рук главы Церкви царь получал «иерусалимскую ветвь (вайю)».

С Лобного места патриарх спускался вниз и садился боком на лошадь, держа в правой руке крест, в левой – Евангелие. Движение от Лобного места приобретало характер шествия с Елеонской горы. Его открывали младшие придворные, наряженные в богатые золотые кафтаны. За ними везли нарядную вербу.

Следом с иконами, горящими кадилами, рапидами шло духовенство и придворные. Затем появлялись высшие чины, которые несли государевы жезл, вербу, свечу и полотенце. Поддерживаемый двумя придворными, царь вел «осля» за конец повода. Патриарх сидел на «осляти», осеняя народ крестом. По всему пути процессии дети расстилали перед государем и патриархом сукна разных цветов. Чтобы сукна не сбились, подростки лежа придерживали их. Участие в церемонии детей – точное следование апостольскому тексту, в котором дети с неискушенным и несвоекорыстным сердцем приветствуют Мессию.

Царь и патриарх входили в Кремль через Спасские ворота, которые символизировали Золотые ворота, ведущие в Град Спасителя – Небесный Град. Миновав их, процессия входила в Кремль. В Успенском соборе патриарх благословлял царя и целовал его в десницу и лоб. Царь, в свою очередь, целовал патриарха в плечо, демонстрируя, таким образом, публичное преклонение светской власти перед властью церковной, пускай символично и вознесенной до образа Христа [1, с. 262–268].

«Шествие на осляти» в Вербное воскресенье переживалось как таинство. Когда в Вербное воскресенье 1659 г. на «осляти» ездил митрополит Питирим, будучи местоблюстителем патриаршего престола, Никон воспринял это как «духовное прелюбодеяние» и посягательство на патриаршую харизму [9, с. 440–448].

По мнению ряда исследователей, конфликт Алексея Михайловича и патриарха Никона, это противостояние носителей различных взглядов относительно государственного строительства. Столкновение двух моделей государства. С одной стороны – это абсолютистская модель государственной власти, базировавшая на божественном ее происхождении и мессианском предназначении. С другой стороны – теократическая модель, где церковная и государственная власть представлены в одном лице, но церковь превыше государства [3, с. 12–14; 2, с. 219].

Исходя из смысловой нагрузки обряда, особенно, что касается демонстрации смирения царя, претензии Никона вполне обоснованы. Шествие на осляти в Вербное воскресенье непосредственно соотносится на Руси с иконой «Входа Господня в Иерусалим». Первосвятитель, восседающий на осляти, предстает как живая икона Христа; а церковь, куда он направляется, предстает как образ Иерусалима и соответствен-

но может именоваться «Иерусалимом». Б.А. Успенский отмечает, что в данном случае отношение к первосвятителю аналогично в отношению к иконному изображению. Тем самым, смирение царя может быть уподоблено смирению молящихся и припадающих к Христу на иконе. Отношения царя и первосвятителя в данном случае демонстрируют отношения царя земного и Царя небесного; соответственно определяются отношения церкви и государства, духовной и светской власти [9, с. 429–461].

Русский историк В.И. Савва, высказал предположение, что смирение царя, проявляемое им в обряде Вайи, было примером смирения и для подданных его, но это смирение перед властью духовною, которое могло только лишь способствовать усилению авторитета этой власти, а отнюдь не светской, перед нею смирявшейся [7, с. 172].

Следуя размышлениям Никона, «священство» выше «царства» в силу превосходства его задач и правомочий, при сравнении двух величин. Царству поручено земное – низшее, священству небесное – высшее. Из самого библейского происхождения царства и священства Никон выводит также их неравенство. «Священство не от человек, ни человеком, но от самого Бога, и древнее и нынешнее, а не от царей» [5, с. 196–200].

И.Л. Андреев отмечал, что торжественные шествия с участием государя оттачивали образ идеального правителя. Церемонии становились зримым напоминанием о предназначении государя – быть посредником между Богом и подданными, защитником православной веры, гарантом справедливости и порядка. Шествующий государь – это идеальный христианин, которому присущи благочестие и совершенство, способствующие сакрализации монарха [1, с. 255].

Следует согласиться с И.Л. Андреевым, что для Алексея Михайловича, торжественный вход Царя Небесного в Новый Иерусалим соотносился с преображением рода Романовых в богоизбранную царскую династию. Это было тем более актуальным, что во второй половине столетия идея богоизбранности все более теснит родовое начало. Церемония «работала» и на царскую власть. Несмотря на то, что московские государи демонстративно уступали первенство патриарху, во время шествия подчеркивалась богоизбранная близость монарха. Царь, ведущий под узцы «осля», воспринимался как причастный к Христу. Таким образом, формировался образ вселенского православного монарха, весьма привлекательного для Алексея Михайловича [1, с. 265].

М.Г. Ракитина приводит любопытный пример пышной презентации власти с участием государя, духовных властей и представителей местного населения в Смоленске, взятом русскими войсками осенью 1654 г. В Смоленск привезли царские регалии, что было само по себе редким случаем, поскольку увидеть государя в полном парадном облачении могли только жители столицы. Традиционно, символы власти, в силе которых шапка Мономаха не должны были покидать столицу, но во время Смоленского похода было решено уделить особое внимание православным обрядам, в том числе выходу царя к причастию, что было важно для утверждения православия во вновь присоединенном крае. В Москву была отправлена царская грамота с требованием прислать «причастный сундук», в который были положены важнейшие символы государственной власти: крест с частицей Животворящего Древа, Шапка Мономаха, царские бармы и золотая цепь. Там же находилось платно «третьего наряда». В мае 1655 г. состоялся торжественный царский выход в регалиях и парадных одеяниях в церковь к причастию. После празднования Вознесения царь покинул Смоленск, направившись к театру военных действий [6, с. 163–164].

Таким образом, церемонии играли значительную роль в презентации верховной власти. Церемонии подчеркивали сакральный статус и христианские добродетели русского государя и воплощали в себе образ власти. Царь, призванный служить примером, воспринимался как образец для подражания. По определению Р.С. Уортмана, церемонии превращались в своеобразный «театр власти», в представлениях которого находили свое выражение основополагающие политические идеи, образы и стереотипы [8, с. 18]. И церемонии, призванные демонстрировать гармонию светской и церковной властей, в зависимости от конкретной политической ситуации меняли соотношение царя и патриарха.

Список литературы

1. Андреев И.Л. Образ шествующей власти. Первые Романовы в церковных и придворных церемониях // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время. – М.: Наука, 2008. – 439, [4] с.

2. Боханов А.Н. Самодержавие: Идея царской власти . – М.: Рус. слово, 2002. – 349, [2] с.

3. Джораева С.В. Государственно-церковные отношения в России (опыт философско-исторического анализа): автореф. дис. … канд. филос. наук. – М., 1997. – 23 с.

4. Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. – [Репр. воспр.]. – Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – М.: Языки рус. культуры: Кошелев, 2000, – 453, [2] с.

5. Карташев А.В. Собрание сочинений: В 2 т. – Т.2. – Очерки по истории русской церкви. – М.: Терра, 1992. – 565, [3] с.

6. Ракитина М.Г. Презентация царской власти в Смоленске в 1654–1655 гг. // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. – М.: ФГУК «Государств. Историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2009. – 236 с.

7. Савва В. Московские цари и византийские василевсы. – Харьков: Тип. М. Зильберберг и С-вья, 1901. – [4], IV, 400 с.

8. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: Мифы и церемонии русской монархии. – Т.1. – От Петра Великого до смерти Николая I. – М.: ОГИ, 2004. – 606, [1] с.

9. Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). – М.: Яз. рус. культуры: А. Кошелев, 1998. – 676 с.

10. Фрэзер Д. Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1986. – 703 с.

References

1. Andreev I.L. *Obraz shestvuyschei vlasti* [Images of Power in the West, Byzantium and Russia: the Middle Ages. New time]. Moscow, 2008. 439, [4] p.

2. Bohanov A.N. *Samodergavie* [Autocracy: The idea of royal power]. Moscow, 2002. 349, [2] p.

3. Joraeva S.V. *Gosudarstvenno-cerkovnie otnoshenia v Rossyi* [State-church relations in Russia (the experience of philosophical and historical analysis)]. Moscow, 1997. 27 p.

4. Zabelin I.E. *Domashnyi byt russkih carei v XVI i XVII stoletiah* [Home life of the Russian people in the XVI and XVII centuries]. Moscow, 2000. 453, [2] p.

5. Kartashev A.V. *Ocherki po istoryi russkoi cerkvi* [Works: In 2 volumes]. Moscow, 1992. 565, [3] p.

6. Rakitina M.G. *Prezentacia carskoivlasti v Smolenske v in 1654–1655* [The supreme power, the elite and society in Russia XIV – first half of XIX century. Russian monarchy in the context of European and Asian monarchies and empires]. Moscow, 2009. 236 p.

7. Savva V. *Moskovskiecari i vizanteiskie vasilevsi* [Moscow kings and Byzantine basileus]. Kharkov, 1901. [4], IV, 400 p.

8. Wortman R.S. *Ot Petravelikogo do smertiNikolay I* [Scenarios of power: Myths and ceremonies Russian monarchy: Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. Moscow, 2004. 606, [1] p.

9. Uspenskiy B.A. *Car i Patriarh* [King and Patriarch: charisma of power in Russia]. Moscow, 1998. 676 p.

10. Frazer D. *Zolotayvetv* [Golden Bough]. Moscow, 1986. 703 p.

Рецензенты:

Толочко А.П., д.и.н., профессор, зав. кафедрой дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск;

Сорокин Ю.А., д.и.н., профессор, кафедра дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск.

Работа поступила в редакцию 02.06.2014.